

ствования для всего (и неживого), которая заполнена материей по имени жизнь. В восприятии человека вещество, заполняющее некое пространство, также посредством метафоризации представляется как пространство со своей особой геометрией и своей системой координат. Эта метафоризация относится к специфике концептуализации времени и ее важной составляющей — жизни, что отражается в процессе их объективации средствами языка. Материя жизни существует по общему для всего сущего (живого и неживого) закону, основанному на ее способности постоянно изменяться.

В свою очередь, эта способность к изменению, заложенная во все сущее (неживую и живую материю) как его базовая детерминанта, детерминируема всевозможными страданиями, неудовлетворенностью состоянием материи. Только преодолевая страдания, материя существует, живет; чем интенсивнее преодоление страданий, тем более проявляется эта способность материи к изменению, превращению, т.е. к самообновлению. В восприятии человека состояние покоя, обусловленное разными причинами (апатией, успокоенностью, благополучием и пр.), губительно для самой материи сферы жизни, тормозит ее развитие, обновление, а значит, стагнирует процесс жизни, в ней проявляющийся. Материя жизни дана человеку без его участия, но в картине мира отражено понимание человеком своей основной функции — сохранять жизнь и каузировать материю к проявлению ее основной способности превращаться, обновляться. Это фундаментальное содержание человеческого сознания выражается и в языковой картине мира и отражает диалектику человеческого сознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Постулаты когнитивной семантики // ИАН СЛЯ, 1997. Т. 56, № 1. С. 11-21.
2. Lakoff G. The contemporary theory of metaphor // Metaphor and thought / Ed. by Ortony A. Cambridge, 1993. P. 245.
3. Шарикова Л. А. Фреймовая структура немецкого концепта *WELT* // Вестник КемГУ. Журнал теоретических и прикладных исследований. Вып. 1(25). Кемерово: Кузбассвузиздат, 2006. С. 137-143.
4. Философский энциклопедический словарь / Ред. состав. Е. Ф. Губский, Г. В. Кораблева, В. А. Лутченко. М.: ИНФРА-М, 2004. 576 с.
5. Шарикова Л. А. Геометрия физических миров в вербальном сознании человека // Вестник КузГТУ. Научно-технический журнал. Вып. 5 (56). Кемерово: Издательство КузГТУ, 2006. С. 162-164.

*Тамара Петровна КАРПУХИНА —
доцент кафедры английской филологии
Дальневосточного государственного
гуманитарного университета,
кандидат филологических наук*

УДК 811.111

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МОРФЕМНОГО ПОВТОРА И СИНОНИМИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

АННОТАЦИЯ. Анализ взаимодействия морфемного повтора с синонимией в английской художественной прозе выявил значительное разнообразие корреляций одноморфемных синонимов с точки зрения морфемного состава, словообразовательной структуры, частеречной принадлежности, узуральной закрепленности, степени синонимичности. В основе корреляции лежит лингвоментальная игра тождества и различия, синтеза и анализа.

The article is devoted to the study of interrelation between morphemic repetition and synonymy. Textual chains of synonymic words with the identical morpheme manifest considerable variety as to their morphemic and derivational structure, part-of-speech meaning, traditional usage and degree of synonymy. Correlation of synonyms with the common morpheme is based on an interplay between similarity and difference, synthesis and analysis.

Настоящая статья посвящена изучению феномена морфемного повтора в английской художественной прозе. Морфемная итерация рассматривается во взаимодействии с таким языковым и речевым явлением, как синонимия.

Как известно, синонимия, заключающаяся в полном или частичном совпадении значений языковых единиц, представляет собой лингвистическую универсалию, свойственную разным подсистемам [1, 446]. Синонимические отношения возможны в языке благодаря существованию семантической эквивалентности (равнозначности) [2; 3], которая обеспечивает номинативное отождествление денотатов (сигнификатов). Равнозначность — это вовсе не «избыток материальных средств, засорение языка повторными названиями» [4; 137]. Равнозначность ни в коей мере не является синонимом тавтологичности: «повторение в языке не означает тождества» [5; 68].

Напоминая о принципе воронки Шеррингтона, согласно которому человеческий мозг принимает гораздо больше раздражений, чем он способен отразить, Л. С. Выготский пишет: «Мир вливается в человека через широкое отверстие воронки тысячью зовов, влечений, раздражений, ничтожная их часть осуществляется и как бы вытекает наружу через узкое отверстие» [6; 337].

Взаимодействие морфемного повтора и семантической эквивалентности вполне соответствует парадоксальному высказыванию, принадлежащему М. М. Мажковскому: «Схождение в языке — это способ создания различий» и «расхождение в языке — это способ создания тождества» [5; 68]. В данных общих положениях, характеризующих язык и его функционирование, заключена суть диалектического противоречия, заложенного в единстве одноморфемных слов, связанных отношениями синонимии.

Как известно, диалектическая противоречивость является основополагающим фактором бытия. Диалектика пронизывает самые разнообразные взаимоотношения языковых единиц. То же следует сказать о единстве слов, связанных морфемной и семантической общностью. Связь между ними носит внутренне противоречивый, динамический характер именно потому, что они не абсолютно однородны или равнозначны. Только «математическая связь необходимо предполагает однородность связываемого (в понятии величины), динамическая же несколько этого не требует», — заключает И. Кант [7; 101]. Поэтому и возможно представить противоречащее, противоположное связанным воедино и даже «соединенным в одном понятии» [7; 101].

В единстве синонимичных слов с общей морфемой мы видим игру языковых форм, разворачивающуюся вокруг оси тождество/различие, обеспеченную частичным формальным и семантическим сходством. Именно отношения частичного тождества запускают механизм динамики, переключения внимания со сходства на различие, для эмансипации то от одного, то от другого моментов.

Покажем, как работают указанные положения на конкретном практическом материале. Рассматривая сцепление одноморфемных синонимов в текстовой последовательности, мы прибегаем к идеализации, извлекая одноморфемную текстовую цепочку, на какой-то момент отвлекаясь от ее взаимодействия с остальными компонентами текста. В первую очередь нас интересует реляционный аспект, то есть взаимодействие, взаимная корреляция конститuentов одноморфемных цепочек.

Анализ художественного текста показывает, что объединенные общей морфемой слова нередко связаны синонимическими отношениями. С субстанциональной точки зрения это означает, что парциальное формальное сходство этих слов дополняется семантическим подобием, которое обнаруживается в совпадении отдельных компонентов лексического значения — денотативного, сигнификативного, коннотативного (прагматического).

Субстанциональный анализ рассматриваемых слов с точки зрения **морфемного состава** выявил различные виды итерации.

Примерами использования синонимов в цепочке слов с общей морфемой могут служить следующие предложения, где задействован повтор:

а) корневой:

It [the beauty — T. K.] had indeed very little of *feminine* in it, and would at least have become a man as well as a woman <...>. Nor was her mind more *effeminate* than her person. (H. Fielding).

б) аффиксальный:

«Well. What if I do want her?» — he replied.

«Why, nothing, if it was *sensible* or *reasonable*» (D. H. Lawrence).

с) корневой и аффиксальный:

«<...> her opinion of me — her feeling towards told me was *unchanged*, and *unchangeable*» (Ch. Bronte).

Следует отметить, что среди многообразия текстовых цепочек явное численное преимущество принадлежит одноаффиксным последовательностям. При этом аффиксация активно задействует богатый ресурс лексической синонимии, дополнительно усиливая ее морфемным повтором. В одну цепочку соединяются слова, синонимичность которых проявляется на уровне корней: *riotous* — *tumultous* (H. Fielding); *entirely* — *completely* (Ch. Dickens). Аффиксация может оформлять в лексические единицы связанные корни: *possible* — *probable* (H. Fielding); *importance* — *significance* (O. Henry). Наряду с использованием ресурсов лексики и морфемики, аффиксация может порождать контекстуальную словообразовательную синонимию. Аффиксальный повтор привлекает внимание к внутренней форме слова, выдвигая на первый план значение аффиксального форманта и нейтрализуя различие в семантике корня (*unattractive* — *ungraceful* — *undesirable* (T. Caldwell); *unwatched*, *uncared for* (Ch. Dickens); *foreseen*- *forelanned* (J. Austen).

Менее заметная роль корневого повтора в синонимизации членов цепочки объясняется следующей причиной. Создание однокорневых синонимов, представляющих собой параллельные образования, тормозится словообразовательным механизмом, ограждающим систему языка от лексической дублетности. Существует лишь ограниченное число равнозначных деривационных формантов с общими комбинаторными свойствами, что удерживает словообразовательное варьирование в определенных пределах, обеспечивая равновесие между устойчивостью и изменчивостью языковой системы.

Анализ **словообразовательной структуры** одноморфемных синонимов выявил тенденцию к использованию в тексте многообразия возможных корреляций. Рассмотрение одноаффиксных цепочек выявляет в них слова, которые имеют равнопроизводную и разнопроизводную структуру:

And yet, my dear, there are some people so *malicious*, some tongues so *venomous*, that no innocence can escape them. (H. Fielding);

In this case, I was driven to reflect *deeply* and *inveterately* on that hard law of life <...> (R. L. Stevenson)

Что касается корневого повтора, то немногочисленные однокорневые синонимы также могут иметь равнопроизводную и разнопроизводную структуру:

«What we need in the world is *liberalism, liberality*, if we are going to get anywhere. I've always believed in being broad-minded and *liberal* — » (S. Lewis); *Discomfort*, when it is honestly *uncomfortable* and makes nauseous pretensions to the contrary, is a vastly humorous business <...> (R. L. Stevenson).

Равнопроизводные члены цепочки, для которых характерна формальная симметрия и согласованность, выдвигают на первый план сходство одноморфемных синонимов; разнопроизводные слова, демонстрирующие формальную асимметрию и рассогласование, привлекают внимание, прежде всего, к различию одноморфемных синонимов. Таким образом, выполняя одну задачу — выразить одно и то же семантическое содержание разным способом — они одновременно добиваются и другого эффекта, а именно — привлекая внимание к форме языкового выражения: или усиливая сопоставление, или эксплуатируя возможность их противопоставления.

В одной цепочке могут сопрягаться как «равновесные», так и «неравновесные» единицы. Если семантическое равновесие в цепочках равнопроизводных слов довольно устойчиво, то в разнопроизводных синонимах наблюдается иная картина. Более «тяжеловесный» член цепочки со сложной структурой (*inveterately uncomfortable*) расшатывает единство одноморфемных коррелятов-синонимов, делает это единство более неустойчивым.

Обращение к такой характеристике, как **стилистическая норма**, то есть к тому нейтрально-стилистическому речевому фону, который выступает как точка отсчета для стилистических значений [8; 223], показывает, что в художественном тексте встречаются как внутрителивые (одностилевые), так и межстилевые (разностилевые) синонимы, коррелирующие в морфемном плане и составляющие текстовую цепочку.

Примером внутрителивой, симметричной синонимии могут служить следующие цепочки: *insecurity* — *uncertainty* (Th. Dreiser); *contemptible* — *disreputable* (O. Henry). Формальное и функционально-стилистическое тождество побуждают читателя переключить внимание на различие, которое заключается в денотативно-сигнификативном содержании слов.

Особый интерес вызывает межстилевая синонимия, при которой явственно проступает стилистическая рассогласованность одноморфемных коррелятов:

Oh, he'll cover his fat tracks very *ably* and *dexterously*, you can be sure of that! (T. Caldwell).

Взаимоотношения конститuentов одноморфемной цепочки явно неравновесны. Неравновесие, а значит, динамичность создается со-противопоставлением стилистически нейтрального и маркированного, исконного и заимствованного, структурно-простого и сложного.

Что касается **частеречной отнесенности** одноморфемных синонимов, нельзя не сказать о таком общепризнанном их свойстве, как принадлежности к одной части речи. В качестве примера приведем следующее предложение:

No more faithful, *competent* and *efficient* force of man exists in the clerical portions of any government <...> (O. Henry).

Вместе с тем, если быть последовательным, то, принимая широкую трактовку антонимии, допускающую существование межчастеречных антонимов [9; 35-36], следовало бы признать возможность расширенного толкования и синонимии, не ограничивая ее рамками одной части речи. Не преследуя цели пересмотра понятия синонимии, что потребовало бы доказательной базы, полагаем все же возможным указать на наличие своеобразной отраженной, непрямой синонимии по аналогии с отраженной антонимией. Примером сопряжения семантически близких слов, относящихся к разным частям речи, может служить следующее предложение:

Was not this some excuse for *incivility* if I was *uncivil*? (J. Austen).

Такого же рода корреляцию демонстрируют следующие однокорневые цепочки: *inequality* — *unequal* (H. Fielding); *ingratitude* — *ungrateful* (ibid); *unfortunate* — *misfortune* (ibid). Встречаются и одноаффиксные словообразовательные синонимы, хотя это бывает значительно реже: *unsurpassable* — *immeasurably* (W. Thackeray).

Межчастеречные, разноструктурные однокорневые слова сходной семантики обладают большим зарядом экспрессивности, в отличие от внутривчастеречных, прямых синонимов. Внутривчастеречные синонимы, в силу своей парадигматической и узуальной спаянности, скорее извлекаются из памяти носителей языка, следовательно, их корреляция является более устойчивой, автоматизированной, а значит, и менее экспрессивной.

Что касается узуальной закреплённости одноморфемных синонимов, то следует отметить среди них как **лексически зафиксированные, узуальные**, так и **окказионально созданные слова**. Подавляющее большинство одноморфемных слов принадлежат системе языка. Они соответствуют общеязыковой норме и закреплены речевым употреблением: *cleverness* — *shrewdness* (S. Maugham); *unjust* — *unfair* (T. Caldwell) и др. Цепочка синонимов может включать и авторский неологизм: *self-defense* — *self-protectiveness* (T. Caldwell); *colourless* — *no-colour* (M. Dickens). И в этом случае, как и в ранее приведенных примерах с отраженной синонимией, на первый план выдвигается формальная разность семантически равнозначных слов. И таким образом в «сознании получателя возникает оппозиция: известное (языковое) — неизвестное (речевое, окказиональное).

В терминах когнитологии это означает следующее. Сцепление в одной связке традиционного и нового обозначения говорит о том, что один и тот же фрагмент в картине мира оказывается представленным на языковой карте двумя номинативными единицами. «Таким образом, между концептуальной картиной мира и языковой картой» складываются «достаточно сложные отношения. Общая картина мира создает то единое когнитивное пространство (когнитивную плоскость контекста), в пределах которого осуществляется обмен информацией» [10; 33]. Данная информация извлекается реципиентом не «суммативным» или «разностным» путем, а тем и другим одновременно.

Узуальное и окказиональное слово «обмениваются информацией», делятся частью своей семантики, объединяясь общим смыслом. Так зарождается новая семантика, организуется разделяемо-совместный, приращенный смысл, который возникает в процессе восприятия динамичного единства, образуемого старым и новым словом.

Многообразие корреляций, образуемых взаимодействием морфемного повтора и синонимии, отмечается не только в плане структуры (морфемной/словообразовательной) или стилистической отмеченности, но также в плане семантики: текстовые цепочки дифференцируются в зависимости от **степени синонимичности** их составляющих. Семантическая эквивалентность носит не абсолютный, монолитный характер, а напротив, отличается относительностью и определенной градацией. Подчеркивая скалярный характер деления синонимов, Л. А. Новиков говорит следующее: «Абсолютна только сама синонимия (замещение, уточнение и проч.), реализация же ее и деление слов на «синонимы» и «несинонимы» (языковые и речевые, истинные или «приблизительные», т. е. квази-синонимы) в значительной степени условны» [11; 227].

Заметная денотативно-сигнификативная общность характерна для следующих одноморфемных слов, синонимичность которых заложена в семантике корня. Таким словам свойственны все основные функции синонимов (замещение,

уточнение, усиление), при этом они необязательно расположены в зоне непосредственного контакта:

He felt such vitality lately, such an *awareness* of life and strength, such a *consciousness* of joy in living, in spite of all that he had suffered and endured since his marriage (T. Caldwell);

On the present occasion, for the better *entertainment* of their visitor, towards whose *amusement* he felt himself bound to contribute he wished to engage them for both. (J. Austen).

Общая аффиксальная морфема как бы придвигает подобные слова друг к другу, уменьшая расстояние между ними и усиливая тем самым их взаимодействие. Тождественная морфема, обеспечивающая частичное формальное сходство слов, несет такой мощный объединяющий заряд, что одно это обстоятельство способно генерировать контекстуальную синонимию:

<...> what had been already *foreseen* and *foreplanned* in her own mind. (J. Austen)

Смысловое уподобление интенсифицируется, если повторяется более, чем одна морфема:

<...> and at a very *unfashionable*, *unseasonable*, *unvisitable* hour went to Lady Bellaston. (H. Fielding)

<...> for it [the time] was changeless and *immutable* and *imperishable* <...> (T. Caldwell)

Аффиксальный повтор запускает в действие механизм структурного уподобления слов и их синонимизации, объединяя в единое целое слова, членимые на словообразовательном уровне (*unfashionable*, *unseasonable*, *unvisitable* (H. Fielding)) или слова, членимые только с точки зрения морфемики (*immutable* and *imperishable* (T. Caldwell)).

Это не означает абсолютного нивелирования значений рассматриваемых слов. Контекстуальные синонимы образуют единое и вместе с тем расчлененное целое, которое имеет смысл только в данной речевой ситуации. Синонимизация становится возможной благодаря взаимодействию одноморфемных слов, смысловое сближение которых обеспечено нейтрализацией дифференцирующих семантических признаков и усилением интегральных компонентов. Контекстуальные синонимы как бы взаимопроникают друг в друга, делясь частью своей семантики.

Это смысловое сближение, не уничтожающее самостоятельности синонимичных слов, внутренне противоречиво и диалектично. Каждый из синонимов, сохраняя свою идентичность, подчиняется целому, включающему все синонимы. Это подчинение выдвигает на первый план то общее, что объединяет одноморфемные синонимы, то интегральное значение, которое есть не сумма слагаемых значений, но обогащенный общий смысл, в чем также присутствует приглушенное расчленение на дифференцирующие смыслы.

Подведем итоги. Анализ цепочек слов с общей морфемой, вступающих в синонимические отношения, позволил выявить разнообразие корреляций с точки зрения морфемного состава, словообразовательной структуры, частеречной принадлежности, узуальной закрепленности, степени синонимичности. И какой бы аспект ни брался во внимание, всюду явственно проступала взаимная корреляция конститuentов цепочки, в основе которой лежит обыгрывание двух взаимосвязанных сторон рассматриваемого явления: тождества и различия, симметрии и асимметрии, статики и динамики. Тождество синтезирует единство, опираясь на центростремительную силу притяжения; различие возвращает к анализу, опираясь на центробежную силу отталкивания.

Игра синтеза и анализа, тождества и различия, притяжения и отталкивания делает единство одноморфемных коррелятов-синонимов одновременно и устойчивым, и подвижным. Синонимичные морфемные корреляты образуют не застывшее целое, но динамичное, подвижное целое, которому в равной мере присущи устойчивость и динамичность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.
2. Бережан С. Г. О синонимичности однокоренных слов с разной аффиксальной частью // Лексическая синонимия. Сб. статей. М.: Наука, 1967. С. 142-151.
3. Бережан С. Г. Семантическая эквивалентность лексических единиц. Кишинев, 1973.
4. Мальковский Г. Е. Лексикографические пометы семантико-стилистической равнозначности в двуязычных словарях (практика и теория) // Лексическая синонимия. Сб. статей. М.: Наука, 1967. С. 129-137.
5. Маковский М. М. Лингвистическая комбинаторика: опыт топологической стратификации языковых структур. М.: Наука, Главн. ред. вост. лит-ры, 1988. 232 с.
6. Выготский Л. С. Психология искусства. СПб.: Азбука, 2000. 416 с.
7. Кант И. Основы метафизики нравственности. М.: Мысль, 1999. 1472 с.
8. Винокур Т. Г. Закономерности стилистического использования единиц. М.: Наука, 1980. 238 с.
9. Тихонов А. Н. Основные понятия русского словообразования // А. Н. Тихонов. Словообразовательный словарь русского языка. М.: Русский язык, 1985. С. 18-52.
10. Заботкина В. И. Семантика и прагматика нового слова (на матер. англ. яз.): Автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. М.: МГЛУ, 1991. 51 с.
11. Новиков Л. А. Семантика русского языка. М.: ВШ., 1982. 272 с.

*Елена Дюнеровна Ю —
старший преподаватель кафедры английского
языка Иркутского государственного
технического университета*

УДК 821.134.2.09

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ВЕРБАЛЬНЫХ СПОСОБОВ ПЕРЕДАЧИ КИНЕСИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В ИСПАНСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется испанское жестовое коммуникативное поведение и способы его вербализации. Исследование проводится на материале современных испанских художественных произведений. Рассматривается отличие семиотических речений от прагматических, а также сопоставление кинем и кинесических речений, за которыми распознается символическая информация.

Analysis of gestures in communicative behavior and how they're verbalized is based on Spanish fiction literature, where this type of non-verbal behavior is multi-meaningful. It's very important for a non-native speaker to distinguish between propositional and pragmatic meaning of the utterance, to correlate it with a certain gesture and to interpret the implicated information.

В последние десятилетия рассмотрение художественного творчества и восприятия художественных произведений как своеобразного коммуникативного процесса особо привлекает внимание исследователей-лингвистов. Ряд типичных параметров речевого взаимодействия имеет существенное значение для